

ТАЙНА КОКОСА ДОВОДИТ ДО ЦИФРОВОГО БЕЗУМИЯ: ФАНТАСТИЧЕСКИЕ НОВИНКИ ПРОЗЫ И НОН-ФИКШЕН

ДЕНИС ЛУШНЯНОВ
Родился в Москве, окончил
Институт журналистики,
коммуникаций и медиаоб-
разования МПГУ. Писатель
и журналист. Ведущий под-
настов, контент-менеджер
издательских сервисов
«Литрес», обозреватель
радио «Нига».

Проза

РОМА ДЕНАБРЕВ, «ГНЕЗДО СИНИЦЫ» («АЛЬПИНА.ПРОЗА»)

Герой-рассказчик «Гнезда синицы» — писатель Стужин, хотя с ним никогда не знаешь наверняка. То он говорит, что у него одна болезнь — память разрушается, то вдруг заявляет, что другая: он, наоборот, помнит все, ведь в организме нет веществ, которые должны стирать ненужные воспоминания. Так и весь роман крутится вокруг трех, пожалуй, центральных событий-воспоминаний: поисков Лизы (она же Заря), убийства Директора, неких военных действий. И все это возвращается к первому воспоминанию в цепочке: к Лизе, которая дала герою посмотреть через гнездо синицы и увидеть иллюзорность мира.

Рома Денабрев водит читателя по зеркальному лабиринту, выстроенному своими руками, устраивает шоу масок и иллюзий графа Налиостро, где все может родиться из ничего. «Гнездо синицы» невозможно — да и не нужно — понимать буквально, ведь поездка в поезде здесь может превратиться в дионисийскую мистерию, учитель литературы может заставить детей рисовать по городу странные знаки, а в лесу герои могут найти распятую богиню Исиду. Все символы, намёны, подмигивания накладываются на полотно «литературных цитат» (интертекста): автор подмигивает и Кортасару, и Прусту, и Гоголю. Хотя каждый увидит свою отсылку; может, именно ее Рома Денабрев и имел в виду, а может, нет.

Написан текст абсолютно напевно, как верно подмечено издательством, в лучших традициях европейского модернизма. Местами совершенно не видно «монтажных склеек»: монолог одного героя перетекает в диалог двух других, а читатель понимает это только спустя страницу. Персонажи рвут фабулу, а другие их за это подстебывают (и заменяют

несуразные ответы разговорами о погоде, потому что любое воспоминание легко подвергается монтажу и редактуре).

Нак бы «отсутствующий» сюжет «Гнезда синицы» компенсируется мозаичной структурой, в чем-то похожей на структуру-воронку «Осени Патриарха», где одно воспоминание цепляется за другое, ведя читателя спутанными дорогами все глубже и глубже к сути. Но структура эта очень быстро сама по себе перерастает в сюжет. Интрига рождается из желания понять, что же все-таки происходит; из невозможности разобраться, где правда, где сон, где — сюжет Стужина. Да и что вообще перед читателем? Может, это действительно экспериментальный рассказ Стужина? Или нет ни Стужина, ни Директора, ни его друзей, а все это — части сборного человека, героя детской страшилки; или не страшилки вовсе? Или говорят и действуют персонажи кукольного цирка из детства Стужина; или, может, цирка настоящего?

На протяжении всего романа Стужин будто ищет свою Беатриче, отсматривает странички девушек в социальных сетях, по крупинкам собирая некий образ. А все имена — София, Лиза, Заря, Зина — будто маски той одной, до кого не получается дотянуться. Может, это и не девушка вовсе, а идея или часть самого Стужина? В этом вся прелесть «Гнезда синицы». Каждый будет трактовать образы в меру своего мировосприятия и понимания культурного кода. Так, Директор может быть понят как король Лир, который постепенно скатывается в безумие и деменцию; или как Фауст, застрявший в вечном духовном поиске — беде европейского мышления — и пытающийся отыскать своего Мефистофеля в лице Стужина.

Можно ли промолчать о бесконечных сносах внутри текста? Нет, ведь сноски — такая же полноценная часть романа, как и все остальное. Они образуют так называемый эффект кроличьей норы, которым в интернет-журналистике обозначают бесконечный переход по гиперссылкам. И сноски-комментарии в данном случае все равно что гиперссылки. Поэтому роман Ромы Денабрева лучше читать почти что залпом, а не дробя маленькими порциями по двадцать страниц, будто покупая текст в ипотеку. Так образы останутся цельными, а структура-связь между «надрами»-эпизодами — отчетливой.

«Гнездо синицы» — холодные и красивые отблески памяти на эмалевой стене: и память эта, как автор сказал на презентации, «разбирается сама в себе». И уже непонятно, что перед тобой. Были ли поездки Стужина за границу? Была ли война? Был ли таинственный вагонный дед? Были ли три товарища Стужина? Или все это — лоскутки некоего сборного человека, бесчисленные зоны единой памяти?

«Нефть — это буквально мир Теней, это Аид, а хочешь — Шеол, Дюжй — вечно неразрешимая загадка для живого взора, подол одеяний Нюкты, инстинктивно пугающих своей непроницаемой структурой. Это единая душа всех когда-либо живших существ, и все мы состоим в ее культе: возводим алтари в ее честь, ревностно соблюдаем обряды, распространяем ее влияние — она движет нами. Всюду нефть и ее дары, тварные дары забытой Геи. Нефть сцепляет нас надежней всяких чувств и раций; неслучайно именно нефтью пропитывались стены Вавилонской башни в древности, ею же они пропитываются и сейчас».

ЕКАТЕРИНА ШАБНОВА, «ТУМАНЫ И ЧУДОВИЩА» («МИФ»)

В этом мире магические нити судьбы — основа мироздания. Есть люди, которые могут ими манипулировать. Они используют для этого особые ножницы и обучаются в Цехах. Но в этом мире запрещено *менять* чужие судьбы — говорят, так рождаются настоящие чудовища, ошибки, побочный продукт экспериментов с судьбой. В этом мире есть Порезы и Надрезы — говорят, из них сочится магия соседнего, погибшего мира. В этом мире есть море и суша в форме Каменного Дракона — говорят, однажды он проснется.

Леда помогает некоему юноше изменить судьбу, за что ее выгоняют из Цеха. Приходится вернуться в родной городок Инезаводь у самого берега моря. В тумане Леде встречается чудовище, и теперь она думает, что это — плод ее неудачного эксперимента. К тому же слышна странная песнь с моря — прекрасная, чарующая, заставляющая исчезнуть. Вот люди и пропадают, но кто или что заставляет их потеряться навсегда? И тут Леда случайно находит странные письма, которые начинают цепочку «расследования». После знакомства с тем самым монстром оно становится куда интереснее.

«Туманы и чудовища» — роман-эксперимент, придуманный и написанный максимально неформально. Сложно поместить книгу на полку некоего-то одного жанра. История Екатерины Шабновой как раз и напоминает ту самую гипнотическую песнь сирен — сирен ли? — которой так много места уделено в сюжете: эта волшебная флейта вне всяких трендов, за которой читатели бегут по своей воле. Текст очень напевный, обволакивающий, ведущий в дали, сокрытые за мрачной пеленой. «Туманы и чудовища» и по духу, и по стилистике больше всего напоминают «Джонатана Стренджа и мистера Норрелла» Сюзанны Кларк, только с точки зрения сеттинга получаются еще навороченней, к тому же с капельной атмосферы

«Незримой жизни Адди Ларю» Виктории Шваб. Есть здесь всепоглощающая атмосфера прибрежных городков Лавкрафта с их переливающейся через край таинственностью. Роман навевает воспоминания и о фильме «Дагон» 2001 года, только без хоррор-составляющей. Или, например, о «Холодной ноже» Альберта Санчеса Пиньоля, которая, конечно, тоже играет с идеями Лавкрафта, но совершенно иначе. Во время чтения в голове назойливо звучит песня уже из нашего мира: «Дагон» «Короля и Шута», где буквально есть строчки о народе, сгинувшем в тумане, что заходил с моря.

У «Туманов и чудовищ» достаточно долгая «точка входа»: завязывается сюжет не спеша, зато потом развивается бодро, приводит читателя к очень красивой кульминации и не менее красивому эпилогу, который можно подкидывать команде Скуби-Ду. Настолько он пронизан атмосферой таинственности. Роман Екатерины Шабновой, помимо прочего, еще и ненавязчивый ретеллинг «Красавицы и чудовища» — этот смысловой пласт подан очень вскользь, но необходимые мотивы угадываются не только в общем ходе повествования, но и в некоторых отдельных сценах. Обойдемся без спойлеров.

От книги остается то же послевкусие, что и от старых, черно-белых фильмов о море и маяках. Это действительно своего рода ретротенст, пусть все дело и происходит в выдуманном мире, полном так называемого эфир-панна: магическо-механических устройств. Например, средств передвижения. Роман словно бы рожден на стыке мистики и мифологии, он туманом течет по сознанию читателя, лишь иногда заставляя вынырнуть в окружающий мир. Единственные острые скалы, о которые многие могут споткнуться, — многочисленные термины, написанные с Заглавных Букв. Тут, снова же, вспоминается уже другой роман Сюзанны Нларк — «Пиранези». И, поверьте, «Туманы и чудовища» отчасти переигрывают его и уничтожают: здесь не такая огромная, как у Нларк, паутина контекстов, зато более четкий сюжет с парой переворачивающих все твистов. В потоне туманных красот не уснуть.

МАРИЯ РУДНЕВА, «МИРТ. ИСТИНА КОРОЛЯ» («ЭНСМО»)

Добро пожаловать в Лунденбурх — альтернативный Лондон XIX века. Здесь правят короли, в чьих жилах в буквальном смысле течет кровь фейри (фаэ). Точнее, короли *правили* — уже как шесть лет род Блюбеллов свергнут. Теперь еще издали уназ, что любой, увидевший наследника престола, может стрелять на поражение. А фейри давно ушли назад в Холмы, и Туманный Альбион откатился в прогрессе. Дела, в общем, далеки от идеального.

Но грядет научная выставка! Ученый-романтик, борец за справедливость сэра Гэбриел Мирт собирается презентовать миру первую паровую машину. И ищет, собственно, машиниста. Как же все удивляются, когда машинисткой становится девушка Амелия. К тому же, право дело, в кабине она носит мужские брюки! Да и вообще, отец ее — тоже изобретатель — встретил смерть в психушке. Но все, конечно, не так просто: беспокойно в рядах контрабандистов, а в Лунденбурх прибывает — вроде как — наследник королевского рода. Да и господин Мирт тоже тесно связан с особами из высшего света... И во что это выльется?

Дебют Марии Рудневой — приключенческий стимпанк, сделанный по старому бабушкиному рецепту fish and chips и оттого чудесный. История задорно визуализируется, и картинки в голове по духу напоминают недавний

сериал «Вокруг света за 80 дней» с Дэвидом Теннантом, антеры которого, кстати, отлично сыграли бы и персонажей Марии Рудневой. «Мирт» — во многом галерея портретов, этаное ателье, где нет похожих костюмов, наждый чем-то выделяется. Впрочем, выделяющиеся герои — еще один неотъемлемый маркер стимпанка. «Мирт» — именно тот случай, когда клас-сика лучше экспериментов. Здесь даже сцена драки на несущемся паровозе в наличии: разве можно отказать от такого колоритного эпизода?

Автор старается погрузить читателя в голову наждого ключевого персонажа, из-за чего создается эффент хора мнений: один и тот же мир искажается под тяжестью разных интонаций. Получается собрать полноценную мозаику. Несмотря на очевидные аналогии с Викторианской эпохой, Лондон Марии Рудневой — место достаточно приятное, пусть и многоликое. Конечно, это не сахарное королевство, где жители поголовно гуляют в розовых очках. Здесь просто нет тех нарочито жутких описаний трущоб, от которых мир сразу становится серым, жестоним, неприятным. Если дать Жюлю Верну написать минс-ретеллинг Динненса и Достоевского, получится как раз что-то очень близкое к «Мирту».

Роман, конечно, обращается к реалиям XIX века и в морально-этическом плане. Женщин тут ни в грош не ставят, а к мигрантам-азиатам относятся, мягко снажем, с презрением: но мистеру Мирту, как истинному герою-романтику, удастся собрать разношерстную команду, опровергая все стереотипы. Многие современники его не понимают, а вот Амелия, наоборот, за это в Мирта даже влюбляется. Как говорится, жди поцелуя, читатель. Жди. «Мирт. Истина короля» — книга в том числе о противостоянии волшебства и прогресса, хотя, будем честны, прогрессу чаще мешает человеческое скудоумие. Это история для тех, кто устал от мрачных сказок и ретеллингов, но все еще ждет хитросплетений интриг и недомолвок. Продолжение, как водится, следует. Если мушкетерам можно, то почему отважным изобретателем — нет?

«Эта баржа сделана из железа, но при этом везет дерево. Удивительный союз, который еще недавно был невозможен. Страх фаэ перед железом передавался людям и был силен сотни лет. Но вот железо плотно вошло в обиход, и теперь все, все вокруг приобретает очертания железа».

ЭЛОДИ ХАРПЕР, «ДОМ С ЗОЛОТОЙ ДВЕРЬЮ» («МИФ»)

Амара, бывшая волчица (проститутка) в помпейском лупанарии (борделе), теперь свободна. У нее богатый и любящий патрон, дорогие нольца, сладкая жизнь. Да только тени прошлого все еще преследует героиню. Ведомая страхами и раскаянием, Амара выкупает двух подруг-волчиц, а потом сама становится сутенершей. Надо разобраться во всем: кто друг, кто враг? Но прежде всего понять, чего хочется ей самой — теперь уже свободной женщине.

«Дом с золотой дверью» — прямое продолжение «Дома волчиц», который вышел год назад. Это книга с посылом «счастливый финал может только казаться счастливым». Весь роман Амара рефленсирует по событиям предыдущей части, иногда даже будто бы ломает четвертую стену. «Дом с золотой дверью» — очень витиеватый узор одновременно из деталей быта древних Помпеев и сложных взаимоотношений героев. Любить по расчету или волей настоящих чувств? Простить подруг или отомстить? Конфликты неизбежны. Они разбросаны по тексту, один перетекает в другой до самого финала.

«Дом с золотой дверью» — это «Нрасотка», сюжет которой пошел не по плану: ведь у счастья есть обратная сторона. Покровитель Амары часто не слушает ее и ждет наслаждений. Иногда вовсе обхватывает за талию, лишь чтобы понять, поправилась героиня или нет. Какой-то неправильный Ричард Гир. Говоря проще, это развенчивание мифа о «долго и счастливо», который актуален не только для женщин древних Помпеев. Бывший возлюбленный героини становится рабом ее нынешнего супруга: ничего, кроме простого «упс», тут не скажешь. Ситуация весьма неловкая, зато можно догадаться, в какую сторону будет развиваться сюжет.

В целом «Дом с золотой дверью» работает по тем же правилам дамского романа, что и «Дом волчиц». Но если в первой части свежего дыхания книге дарил помпейский сеттинг и другие приемы, то здесь... Снажем так — тот случай, когда стоило остановиться на первом романе. Конечно, некоторые сюжетные линии логично было продолжить, что в «Доме с золотой дверью» автор и делает, но они гармонично смотрелись и в качестве «открытого финала». В остальном же «Дом с золотой дверью» начинает откровенно паразитировать на избитых приемах и образах, а метания героини порой кажутся слишком уж нукольными. Да и между строк читается мораль, что все мужчины — сволочи. Но и мы, и жители древних Помпеев понимаем, что мир — не так прост, он не сводится к элементарной формуле «2 + 2». В «Доме с золотой дверью» Элоди Харпер говорит с читателями чересчур радикально и однобоко. Хотя в первой книге такого эффекта не возникало. Финал вообще намекает на то, что все герои, кроме Амары, посредственны. Из них так себе подруги, мужья и любовники. Амара может довериться только себе.

«Дом с золотой дверью» сильно уступает предыдущей книге Элоди Харпер. Роман совершенно точно закроет потребность читателей узнать дальнейшую судьбу многих героев «Дома волчиц», и эту задачу книга отрабатывает на 101 %.

И да, еще пару слов о финале: есть там тонкий намер, что можно ждать продолжения истории, но уже в Риме. Вот тут точно не надо. Превращать жизнь Амары в сагу — лишнее. Иначе все станет шаблонным телесериалом.

ГЕРМАН И ТАМАРА РЫЛЬСКИЕ, «ГРЕТЕЛЬ И ЕЕ БЕСЫ» («НИСЛОРОД»)

Однажды в дом к двадцатичетырехлетней Гретель — той самой — приходит журналист и писатель, предыдущая книга которого разошлась как горячие пирожки (там журналист рассказывал о крысолове-дудочнике). Теперь он хочет написать правдивую историю о девочке и ее брате, которых десять лет назад, как считается, похитили бесы. Да только как-то не очень достоверны все рассказы: скорее всего, детская психика просто переврала образы, и на деле никаких бесов-то не было, это мог быть, например, обычный маньяк в козлиной маске. Тем более в те годы пропало немало детей... Гретель соглашается. Теперь ей приходится посещать сеансы психотерапии. К тому же она влюбляется в журналиста. Да только случаются с Гретель странности: ей тяжело сидеть на мессах, а оперную постановку с Мефистофелем она высмеивает — мол, на деле бы, с реальным Мефистофелем, все оказалось не так. Но это — малая часть повествования. Все остальное «экранное время» читатель проводит в мрачном детстве девочки, которая однажды вместе с братом зашла в пряничный домик и узнала правду о себе.

«Гретель и ее бесы» — не хоррор, а самый настоящий психологический триллер с элементами семейной саги (почему — читатель узнает в конце). Эта дьявольская история по духу напоминает «Сабрину» от Netflix с сентами и жертвенниками для человеческих убийств, а еще — книги Джеральда Брома, в особенности недавнего «Носинога». Есть тут неуловимый флер и первой «Ведьмы из Блэр», старого ужастика, который работал не по законам скримеров, а по законам нарастающего психологического напряжения и атмосферной съемки. Авторы используют точно те же инструменты.

Герман и Тамара Рьльские берутся за ретеллинги со всей серьезностью. Во-первых, выстраивают два переплетающихся пласта повествования, что задает книге нужную динамику. Во-вторых, погружают сказочных героев в мир, напоминающий Германию конца XIX — начала XX века с шагнувшим вперед стимпанк-прогрессом. В-третьих, персонажи живут в абсолютно христианском мире, где в потоке обвинят «ведьм», святая инквизиция бдит днями и ночами, а любое неповиновение могут объяснить бесовской одержимостью. Не самый приятный мир для четырнадцатилетних, особенно когда мать в одной из сцен чуть ли не топит Гретель, а в другой собирается отрезать ей пальцы.

Роман Германа и Тамары Рьльских — основательная игра с первоисточником. Сказку о пряничном домике авторы берут в руки и, как кубин Рубина, начинают изучать со всех сторон, прокручивая грани-детали. В «Гретель...» читатель встретит, пожалуй, самую необычную трантовку ведьмы из пряничного домика — спойлерить это, увы, совсем не вариант. Финальные ответы на вопрос «А почему оно все вообще так было?» приятно удивляют.

«Гретель и ее бесы» — роман, пробирающий до костей холодным ветром в темном лесу, полном сухих черных деревьев. Это не страшилка, наоборот — попытка сделать сказочные образы настолько психологически объемными, насколько можно. Все это в атмосфере гнетущей Европы, полной предрассудков. Люди здесь зачастую ведут себя страшнее всяких демонов: просто так могут угрожать ножом или иснать на теле «кровавый сосон», который, по поверью, появляется у любой ведьмы. Да только вопрос, кто здесь монстр, а кто человек, остается открытым.

ЕВГЕНИЯ МАЛИНКИНА, «НОТОРЫЙ КОТ ПОДРЯД» («ОБЛОЖКА»)

В жизни Даши все вдруг переворачивается вверх дном. Она уже собирается вновь делить квартиру с родителями, как тут ей предлагают и жилье, и работу: два в одном. Нужно просто жить в одном особняке вместе с котом, а за это будут платить пятьдесят тысяч в месяц. Ну как не согласиться? Только кот оказывается говорящим — сам заявляет, что его зовут Василий. А в доме Даша находит дневники старой хозяйки от 1914 года. И события столетней давности, связанные с ведьмой и изумрудным ожерельем, оказываются, влияют и на сегодняшний день. Ну и, будто компонентов в этом винегрете было мало, Даша влюбляется в местного ветеринара Филиппа.

«Ноторый кот подряд» — безумно динамичный роман, который удерживает внимание читателя за счет безотказных приемов: разбросанных по тексту дневников и множества странных происшествий. Книга

по большей части состоит из диалогов, и это, пожалуй, ее достоинство: тонны описательности и излишнего психологизма убили бы роман. Здесь диалоги отчасти драматургические, то есть самоценные и без многих «ремарок». Нот Василий — звезда книги: то он вечно требует нормальной еды (зачем корм, когда есть мороженое и пельмени?), то сыпет фразами, которые потянутся с шуточками Салема из старого ситкома «Сабрина — маленькая ведьма». Вот, например, одна из таких: «Выдумка — демократия, а реинкарнация — сермяжная правда». Острее и смешнее текст становится еще и оттого, что при посторонних Нот Василий молчит. Но читатель уже предчувствует, как скоро он все выснажет Даше, когда они останутся наедине. Так, например, будет после приема у ветеринара... Как можно было догадаться, Василий тесно связан со всем происходящим: и с ведьмой, и с ожерельем.

Если копнуть глубже, то «Который кот подряд» — история об адаптации человека к совершенно новой действительности, а вся мистика — лишь метафора сотен нахлынувших неожиданностей. Евгения Малинкина пишет вовсе не хоррор, и даже не чересчур мистический роман. Это увлекательная околдетективная история, которая так и просится для адаптации если не в формате кино, то уж точно в виде анимационного мультсериала. Есть тут что-то неуловимое от «Гравити Фолз» — какие-то проблески знакомой атмосферы, подстегивающие решать тайны и загадки.

МАРИЯ ЗАБОЛОТСКАЯ, «ИЛЛИРИЯ» (RUGRAM)

Гоздиль, вдова двадцати шести лет от роду, приезжает в Иллирию — прекраснейший город Южных земель. Здесь ей предстоит жизнь в новой семье. Постепенно героиня влюбляется в Ремо Альмасио, а вскоре становится его четвертой женой (три других умерли) и быстро жалеет об этом.

Ведь когда Ремо, еще до свадьбы, думает, что Гоэдил завела любовника, обещает то распороть ей живот, то убить любовника у нее на глазах. А потом и вовсе говорит, что еще одно нарушение установленных им правил — и Гоэдил посадят на цепь в подвале. Да и в самих Южных землях неспокойно: идет борьба за власть. Проблем — ворох.

Роман Марии Заболотской до поры до времени кажется не столько фантастическим, сколько псевдоисторическим (без негативной коннотации). Это весьма плотный и детальный текст, не теряющий стилизации: бурлящую уличную жизнь героиня, например, сравнивает с густой похлебной из всех видов зланов. «Иллирия» — это заявлено даже в аннотации — переложение истории о Синей Бороде, но переложение весьма вольное — снова же, в хорошем смысле. Тут нет классического приема: «взять и перевернуть все с ног на голову», чтобы хорошие стали плохими, и наоборот. Знакомый сюжетный наркас просто обрастает миром в духе христианской Европы Средних веков, где слышать голос бога — значит быть ведьмой (Жанна Д'Арк передает печальный привет). Герои же обрастают мышцами психологизма, и вот сказка становится романом. Можно возмутиться, что в книге нет каких-то бурных действий в духе блонбастеров, но они здесь и не нужны. Роман рассчитан на размеренное чтение. Местный Синяя Борода местами вызывает ассоциации с Маркизом де Садом минимальной степени извращенности. «Иллирия» — книга для тех, кто хочет почитать фэнтези с любовью к антуражу и деталям, в то же время вроде и не читая фэнтези.

«Если в Западных землях государством правила магия, в Северных — суровые воинственные короли, в Восточных — отродье богомерзких созданий с Пустошей, то Южные земли были уделом служителей веры, почти оттеснивших от власти знатных господ и раздробивших своими усобицами некогда единое королевство».

ОЛЬГА ИВАНОВА, «ЗОЛОТАЯ ЧАША» («ОБЛОЖКА»)

Родители Лели чуть не развелись — было так плохо, что девочке с братом даже не хотелось возвращаться домой после школы. Но тут приехала Лелина бабушка, настоящая цыганка. И все наладилось, вроде даже без колдовства, хотя бабушка говорит много всего странного, а еще у нее есть волшебная Золотая Чаша, в воде которой можно увидеть цыганский табор. И, например, передать этому табору мешок с барахлом... Так или иначе, бабушка рассказывает много историй: и как по снегу босиком бегали, и как грамоте в таборе учились, и как цыганские пироги пекли. Для последнего, кстати, нужно раскопать костровую яму, а поверх теста положить лопухи в три слоя.

«Золотая чаша» — книга-двоемирие. Один мир — повседневная жизнь Лели и ее семьи (дело происходит в СССР середины XX века), другой — жизнь табора. Иногда бабушка рассказывает о нем напрямую, а иногда Леля ощущает себя на месте этих цыган... Волшебство? Не иначе! Так что книгу смело можно назвать магическим реализмом для юной аудитории. История Ольги Ивановой научит молодого читателя уважать разные национальности и вероисповедания и покажет, что не бывает в мире однозначно «плохих» и однозначно «хороших» людей. А заодно отобьет неохоту учиться: очень элегантно, через историю бабушки-цыганки.

Роман написан узорчатым языком, а описания быта табора выходят простыми, но очень колоритными. Поэтому взрослым тоже стоит обратить внимание на новинку. Тем более взрослые определенно лучше «прочтут» исторический контекст. Например, двадцатый съезд КПСС. И тому же интересно взглянуть на мир — особенно в непростое послевоенное время — глазами ребенка, который порой мыслит наивно. Но Леле не просто можно, положено так мыслить. Если не в детстве, то когда?

Нон-фикшен

ВАДИМ ПАНОВ, «СИМУЛЯТОР БЕЗУМИЯ» («БОМБОРА»)

Возрадуйся, о человек! Скоро мир станет проще: образование будет элементарным, приготовление еды — быстрым, работа — почти ненужной. Возрадуйся и прими объятия Четвертой Революции, объятия тотальной виртуальности.

Если верить Вадиму Панову, то лозунг у будущего получается примерно такой. А верить автору все основания есть.

Первый нон-фикшен Вадима Панова, отечественного мэтра футуристической фантастики, написан хлестко и по делу. Это не абстрактные рассуждения и не истерика а-ля «ИИ захватит мир!». «Симулятор безумия» — доступное для понимания исследование с цифрами и графиками. Вадим Панов ссылается, например, и на сводки ООН, и на работы современных ученых, и на труды Льва Гумилева. Отдельное внимание стоит обратить на заголовки. «Симулятор безумия» — нон-фикшен из разряда тех, где чуть-чуть переборщи с юмором — и все провалится. Чуть-чуть переборщи с серьезным пафосом и сухими фактами — все тоже провалится. Вадим Панов в этом смысле настоящий серфер — грациозно балансирует на грани.

Точка отсчета книги такова: мир движется идеями, идей — сотни, а с развитием Сети их реализация ускоряется в тысячу раз, достигая

чуть ли не скорости света. Еще сегодня проект может быть обычным постом на Reddit, а уже послезавтра — оказаться в разработке у крупной компании: они стараются не упускать прибыльных возможностей.

Мир будущего точно обойдется без клонов — зачем, когда можно печатать «запасные части» на 3D-принтере прямо из тканей? Жилплощадь станет меньше, дома в мегаполисах — выше (все в лучших традициях Токио), да и города в целом будут умными. Их заполняют дроны, а вся преступность уйдет в Сеть. Так что люди спокойно смогут гулять по ночным паркам без опаски. Образование будущего — государственный онлайн-курс с изучением азов письма и зубрежкой внимательно отобранных исторических фактов. Далее по списку: Экологический Ренессанс планеты, конец эпохи бездумного потребления, тотальное изменение сельского хозяйства и, конечно, самой системы общественных отношений. Единственное, чего, пожалуй, не хватает книге, — это подробных разделов о церкви и искусстве будущего. Но, как Вадим Панов верно заметил в самом начале исследования, расплыться не стоит. А эти темы тянут на отдельную книгу. Если не на две.

«Симулятор безумия» — книжная версия метавселенной (одной из ключевых фишек будущего), для которой не нужно никаких специальных очков и чипов. Вадим Панов одним лишь текстом переносит читателя в будущее настолько плотное, подробное и вероятное, что только протяни руку — получится пощупать со всех сторон. И даже заглянуть за ширму, чтобы увидеть подноготную. Роскошь, не иначе. И страшно, и прекрасно. А в конце так и просится авторская цитата: «В «Матрицу» нас отправят не машины, а люди. Машины до такого не додумаются».

Может, Вадим Панов нас только что туда и отправил?

ТАТЬЯНА МАСТРЮКОВА, «ПРИХОДИ ВЧЕРА. ЖУТКИЕ БЫЛИЧКИ» («РОСМЭН»)

В этот раз новинка Татьяны Мاستрюковой — не очередной страшный роман-сказка, а большое фольклорное исследование, притом с размахом. «Приходи вчера» — весьма своеобразный нон-фикшен, для которого автор собрала реальные истории людей со всей России, сталкивавшихся с паранормальным. Потом Татьяна литературно обработала материал и снабдила короткими фантами-пояснениями. Остроты книге придает то, что действия многих зарисовок происходят не где-то там в глуши, а во вполне реальных домах и квартирах. Это всегда делает истории страшнее. Особенно если держать в голове приписку «Основано на реальных событиях».

Есть в сборнике, например, история о тикающих за стеной часах. Сперва героиня думает, что это просто соседские часы такие громкие, а потом заходит в гости и понимает, что у соседей — полная тишина. В итоге чуть не погибает в пожаре. В конце Татьяна Мاستрюкова объясняет: оказывается, такое тиканье называли «часами смерти», они предвещали человеку большую беду. Но это еще не так жутко! Другая героиня встретила на лестничной площадке — лифт сломался — человека, который передвигался на четвереньках, не сгибал ног, а на всех четырех конечностях носил ботинки. Еле успела унести ноги и ночевала у подруги. Татьяна Мاستрюкова вновь тут как тут с пояснением: лестница, как и любой другой проход (например, дверной проем), — место, соединяющее разные миры. Там не стоит задерживаться. Так, по крайней мере, говорили наши предки. Попадутся в книге зарисовки и о неупокоенных духах, которые все еще мыслят себя живыми, и о болотных идолах, и о скрежетах за стеной, и о мухах на похоронах. Многие «ужасы» связаны с языческими праздниками. Считалось, что в такие дни нечистая сила так и просится в наш мир.

В итоге у Татьяны Мاستрюковой получается фольклорное исследование в необычной литературной форме, которое точно подарит идеи для новых страшилок на ночь и, может, «народных» костюмов на Хеллоуин. Зарисовки, как всегда, читаются влет и пробирают до мурашек, а пояснения к ним — краткие, четкие и расширяющие сознание многочисленными фантами. Совет, применимый даже к нон-фикшену Татьяны Мاستрюковой: на ночь читать остро не рекомендуется.

И, поверьте, к этому совету стоит прислушаться.

